ИНСТИТУТЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ РЕЛИГИИ В ПОСТСОВЕТСКОЙ БУРЯТИИ

Белькова А.А.

аспирант, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук (Россия), 670017, Россия, г. Улан-Удэ, а/я 4048, afan-project@mail.ru

УДК 316.74:2
ББК 60.56305(2Рос.Бур)

В данной статье анализируются процессы формирования институтов государственного регулирования религии в постсоветской Бурятии, а также нормы взаимодействия государства и различных религиозных организаций. Институционализация государственной религиозной политики формирует структуру религиозного поля, представляющую собой разделение религиозных организаций по признаку традиционности. Установление подобных норм способствует повышению контролируемости расходования средств, выделяемых органами власти на поддержку религиозных объединений. Исследование выполнено при поддержке гранта Программы фундаментальных исследований № 33 Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре», Направление 2. Модернизация и ее влияние на российское общество, проект № 1 «Взаимодействие религиозных институтов и общин Бурятии в условиях социокультурной модернизации».

Ключевые слова: религия, религиозная политика, межрелигиозные отношения, формальные и неформальные институты, постсоветская Бурятия.

Belkova A.A.

INSTITUTES OF STATE CONTROL OVER RELIGION IN POST-SOVIET BURYATIYA

Article analyses processes of institution formation of state regulation in Post-Soviet Buryatia, and rules of interaction between government and various religious organizations. The institutionalization of religious policy forms the structure of the religious field, representing division of the religious organizations on the basis of traditional character. The establishment of such rules improves the controllability of public funds allocated to support religious organizations. The study was supported by a grant from the Program of fundamental researches of Presidium of the RAS № 33 «Tradition and innovation in the history and culture», direction 2. Modernization and its impact on Russian society, project № 1 «Interaction of religious institutions and communities of Buryatia in social and cultural modernization».

Key words: religion, religious policy, interfaith relations, formal and informal institutions, post-Soviet Buryatia.

В представленной работе рассматривается государственное регулирование религиозной сферы в современной Бурятии. К концу 2000-х гг. в Бурятии сложилась ситуация, при которой все религиозные организации поделились на две группы: относящиеся к традиционным и нетрадиционным для данного региона конфессиям. Это классификация явилась результатом регулирующего воздействия государства на религиозную сферу. Оно сформировало комплекс норм, определяющих рамки государственно-церковных и межцерковных отношений. Представленная статья — это попытка анализа процесса формирования институтов государственного регулирования религии, а также их структуры взаимодействия между органами государственной власти и религиозными организациями.

В качестве методологической основы исследования был выбран неоинституциональный подход. Институты нами понимаются как правила поведения и способы поддержания этих правил [12, с. 113]. Нас интересует то, как формировался комплекс норм взаимодействия религиозных организаций друг с другой, какое участие в этом принимало государство, каким правилам подчиняются контакты между различными религиозными организациями. Неоинституционализм позволяет анализировать формальные и неформальные нормы взаимодействия между государством и религиозными организациями, а также конвенциональные представления о них [13].

Изучению традиционных религий и религиозных организаций в Бурятии посвящены работы Д. Амоголоновой, П. Варнавского, В. Митыпова, Л. Абаевой, Н. Жуковская и др. Нетрадиционные религии в

© Белькова А.А., 2014

Бурятии исследуют С. Ахмадулина, М. Савинова, Н. Аюрова. Все эти исследования нацелены на описание современной религиозной ситуации в республики во взаимосвязи с какими-либо глобальными процессами (десекуляризация, глобализация, национализм и т.п.). Однако представленная работа сфокусирована на практиках государственного регулирования религиозной сферы и попытаемся проследить истоки современной религиозной ситуации в Бурятии.

Источниковой базой для исследования послужили архивные документы, нормативно-правовых актов, материалов включенного наблюдения, публикаций в средствах массовой информации Бурятии, в интернет-пространстве: на официальных сайтах религиозных организаций, государственных органов, в социальных сетях, блогах религиозных деятелей.

Формирование системы норм взаимодействия

Отношения между различными религиозными организациями в Бурятии определяются сводом правил, сформированных при активном вмешательстве государства. Начало этому процессу было положено в конце 1990-х гг., когда начала снижаться роль местных органов власти в формировании религиозной политики, контроль над деятельностью религиозных организаций и их отношениями с государственными органами власти, напротив, усилился, сформировалось законодательство в данной сфере.

В это время официальном дискурсе, а затем и в публичном, религии окончательно разделяются на традиционные и нетрадиционные. Именно этот фактор определил динамику дальнейшего формирования правил взаимодействия различных религиозных организаций в республике. Возможность для официальной классификации религий была создана в 1997 г., когда в России был принят закон Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях», в котором была прописана особая роль православия в истории России, а также ислама, буддизма, иудаизма, составляющих согласно закону неотъемлемую часть исторического наследия народов России [10] В Бурятии вскоре был принят закон «О религиозной деятельности на территории Республики Бурятия» [11], фактически дублирующий федеральный. Он также содержал указание на исключительность положения отдельных конфессий: «В Республике Бурятия исторически сложившимися конфессиями и верованиями являются Буддийская традиционная сангха России, древлеправославие, православие и шаманизм» [11]. Необходимость выделения позиции буддизма, проповедуемого Буддийской традиционной сангхой России, среди прочих направлений, обусловила упоминание в тексте закона названия организации, а не религии в целом.

Так органы государственной власти Бурятии официально закрепили особое положение некоторых религиозных организаций: Русской православной церкви, представляющей православие [8], Буддийской традиционной сангхи России, олицетворяющей традиционное для Бурятии течение как буддизма, Русской древлеправославной церкви, представляющей старообрядчество, и единственной существовавшей на то время шаманской религиозной организации «Боомургэл». В противовес «исторически сложившимся конфессиям и верованиям» законом определялись т.н. конфессиональные новообразования: «новые религиозные течения, объединения, возникающие в определенной этнокультурной или социальной среде, имеющие отличия от традиционных конфессий в содержании и формах религиозной теории и практики». Принимая этот закон, органы государственной власти не ограничились классификацией религий в республике по признаку традиционности. Эти номинации послужили основой для установления конкретных различий между религиозными организациями при государственной регистрации и в осуществлении миссионерской деятельности. Государственная регистрация религиозных организаций, принадлежащих к нетрадиционных конфессиям, согласно данному закону, требовала наличия положительного заключения Экспертно-консультативного Совета по делам религий при Правительстве Республики Бурятия.

Государство инициировало упорядочивание религиозного поля республики по нескольким причинам. Во-первых, оно стремилось регулировать деятельность различных религиозных организаций. В 1997 году их количество достигло 116. При этом наблюдалось большое разнообразие их конфессиональной принадлежности: православные приходы, буддийские общины и дацаны, старообрядческие общины, шаманистский духовный центр Бурятской народной религии Боо-Мургэл (шаманизм), баптистские, пятидесятнические общины, древлеправославные приходы, апостольские православные общины. Сложившаяся ситуация сложилась в результате мощного религиозного подъема 1990-х годов, пусть и выраженном частично в возрождении номинальной религиозности и условной вере [3, с. 66], который во многом был связан с потребностью населения в самоидентификации. При этом религиозная и этническая идентичность часто сливалось воедино [7, с. 253]. В 1990-х гг. активному формированию религиозного пространства республики способствовал и слабый контроль над действиями религиозных организаций, а в некоторых случаях их откровенная поддержка со стороны государства и конкретных политиков. Смена приоритетов управления на федеральном уровне в конце 1990-х годах, выразившаяся в усилении государства и его централизации, потребовала от местных органов власти упорядочивания отношений между государством и церковью. В результате сформировалась небольшая группа религиозных организаций, при контакте с которыми государство

минимизировало затраты, повышая эффективность реализации программы государственного регулирования религиозной сферы.

Во-вторых, выбор религиозных организаций, вписываемых государством в создаваемую им систему, основывался на степени их лояльности. В данном случае ожидается, что религиозная организация будет действовать определенным образом, соблюдать установленные правила взаимодействия, соблюдать «контракт». Государство как агент в таком случае получает лояльность и готовность религиозных организациях участвовать в мероприятиях, составляющих религиозную политику. Традиционные религиозные организации, в свою очередь, получают поддержку государства, возможность влиять на решения, принимаемые и законодательной и исполнительной властью, а также некоторые материальные выгоды, например, для 1990-х годов была характерна практика передачи государственной собственности религиозным организациям либо в полное владение, либо в долговременную бесплатную аренду. Например, в п. Усть-Баргузин администрация в 1994 г. выделила в Доме культуры комнату, а в 1995 г. безвозмездно отдала здание детского сада с земельным участком и постройками [6].

В-третьих, концепт традиционности/нетрадиционности религий позволяет собственно обосновать инклюзию лояльных религиозных организаций в структуры государственной религиозной политики, и исключение из них остальных организаций. В 2000 г. Конституционный суд Республики Бурятия признал положения Закона «О религиозной деятельности на территории Республики Бурятия», устанавливающие различия в положении традиционных и нетрадиционных религиозных организаций, противоречащими Конституции Бурятии. Закон подвергся соответствующей редакции, однако, система традиционности/нетрадиционности конфессий, упорядочивающая религиозное поле Бурятии, не была упразднена. Она перешла на уровень неформальных практик, а официальный дискурс по-прежнему формировал категории традиционности. Это давало возможность натурализировать институты религиозной политики в культурный и исторические контексты.

Причина сравнительной межрелигиозной терпимости в Бурятии в том, что каждая из традиционных религий преимущественно распространена в определенной этнической среде: православие у русских (а также украинцев и белорусов), шаманизм и буддизм — у бурят и т. д. Известно, что коренные народы Бурятии (буряты, эвенки, сойоты) издревле придерживались шаманизма с различными местными вариациями, вобравшими в себя и более архаичные родоплеменные верования и культы [1].

Концептуализация сложившейся ситуации закрепляла за традиционными конфессиями особую роль, их значимость выводилась из укорененности в быту, культуре, длительности существования на данной территории.

Традиционные религии — механизмы инклюзии

Религиозные организации, относящиеся к традиционным, имеют самый большой опыт выстраивания отношений с государством. Русская православная церковь, Буддийская традиционная сангха России, отдельные шаманы, которые в 1990-е годы создали свой центр, – все эти религиозные организации еще в советское время адаптировались к условиям, диктуемым органами государственной власти. В данном случае обе стороны уже несколько десятилетий встроены в институты религиозной политики, что влечет за собой взаимные ожидания по поводу поведения каждого из агентов. Новые религиозные объединения в данной системе координат для государства являются малоизвестными, рискованными партнерами. Их поведение плохо предсказуемо, а их включение в существующую систему отношений государства — церкви сопряжено с серьезными затратами. Кроме того, сами религиозные организации, появившиеся в республике впервые в постсоветский период, не нацелены на долговременное и тесное сотрудничество с органами государственной власти. Они решают более важные для себя задачи, такие как закрепление на территории Бурятии, миссионерская деятельность, привлечение новых членов общины. Именно на эти стратегии тратится большая часть ресурсов. Соприкосновение с государством они стремятся свести к минимуму: получению регистрации для того, чтобы продолжить осуществление первоочередных задач.

Таким образом, сложилась ситуация, при которой две стороны (органы государственной власти и лояльные им религиозные организации) стремились формировать и развивать институты государственного регулирования религии. Новые религиозные объединения были из этих институтов исключены, но надо отметить, что они и не предпринимали серьезных попыток изменения ситуации. После редактирования закона «О религиозной деятельности на территории Республики Бурятия», институт государственного регулирования религии вновь стали неформальными. Из всех нормативно-правовых документов были исключены категории «традиционные», «нетрадиционные религии». Однако на уровне повседневных практик и государство, и религиозные организации, ранее получившие статус традиционных, продолжали поддерживать этот дискурс. Это дало основания для разработки концепции «межнационального и межрелигиозного мира и терпимости». Ее тезисы присутствуют в выступлениях крупных политиков, исследованиях, проведенных при поддержке и по заказу органов государственной власти, появляются в СМИ через интервью чиновников, ученых, религиозных деятелей, принад-

лежащих к традиционным конфессиям, а затем образ «религиозной терпимости», неразрывно связанный с традиционными религиями и усилиями государства по ее сохранению, подхватывают и сами журналисты.

Бурятия не зря считается едва ли не самой толерантной республикой, славится межрелигиозной, межэтнической терпимостью, что радует, и мы стараемся это свойство нашего народа всеми силами поддерживать и развивать (интервью Президента Республики Бурятия) [5].

При этом встроенность традиционных религиозных организаций в институты государственной религиозной политики, предполагающей покровительство государства, приводит к тому, что даже в публичном пространстве религиозные деятели позволяют себе обосновывать негативное влияние нетрадиционных религий на толерантную религиозную среду Бурятии:

Излишняя терпимость допустила нашествие деструктивных сект, в том числе мормонов, кришнаитов. Когда мормоны построили свое здание, я спрашивал об этом Геннадия Архиповича (на тот момент мэра г. Улан-Удэ — прим. А.Б.). Он извинялся, объяснял, что пропустил этот факт. С другой стороны, я всегда говорю: чем лучше мы будем работать, тем здоровее будет обстановка, меньше сектантов (интервью с главой Улан-Удэнской и Бурятской епархии Русской православной церкви) [9].

К концу 2000-х гг. институты государственного регулирования религии окончательно оформляются в тесное взаимодействие с традиционными религиозными организациями. Их взаимоотношения принимают форму совместных действий, направленных чаще всего на решение социальных проблем. К таким формам взаимодействия можно отнести совместные мероприятия, официально нацеленные на воспитание молодежи, борьбу с наркоманией, преступностью, абортами и т.д. формально такие отношения закрепляются через договоры о сотрудничестве. Буддийская традиционная сангха России, Русская православная церковь, мусульманская община согласно договорам оказывают помощь Службе судебных приставов Бурятии в работе с неплательщиками. В 2011 г. ГИБДД Бурятии в сотрудничестве с Русской православной церковью и Буддийской традиционной сангхой провели серию акций по снижению аварийности на дорогах Улан-Удэ. Помимо того, что водителям сотрудники инспекции напоминали правила дорожного движения, православный священник окроплял святой водой остановленные автомобили, а ламы прямо на дороге проводили молебен [4, с. 177]. Религиозные организации, в свою очередь, разрабатывают концепции сотрудничества с органами государственной власти. Например, Русская православная церковь закрепила модель отношений с государством в «Основах социальной концепции Русской православной церкви» [2, с. 96].

Таким образом, мы можем констатировать, что после десятилетия существования структуры религиозного поля республики, разбитого на традиционные и нетрадиционные религии в неформальных практиках, эти нормы постепенно начинают получать отражение в формальных правилах. Это тенденция сейчас только усиливается. В апреле 2012 г. заместитель Председателя Правительства Бурятии выступил с докладом о необходимости оказания им финансовой помощи религиозным организациям, занимающихся решением социальных проблем, т.е. фактически предложил финансировать традиционные (лояльные органам государственной власти и государственной политике) религиозные организации. В июне 2012 г. были приняты соответствующие поправки в Закон Бурятии о религиозной деятельности. Согласно им государство финансирует благотворительную деятельность религиозных организаций (те самые социальные акции), предоставляет им налоговые льготы, оказывает финансовую и материальную помощь в реставрации, содержании и охране зданий и объектов, являющихся памятниками истории и культуры.

Формальные и неформальные институты религиозной политики

В данном разделе мы попытаемся ответить на вопрос, почему при наличии набора формальных правил взаимодействия государства и церкви, возникают новые? В сущности, религиозные конфессии в республики разделены на две группы по степени включенности в институты религиозной политики. Складывается ситуация, при которой существуют и формальные правила, задающие общие параметры, и неформальные нормы, в рамках которых собственно и осуществляется религиозная политика.

Государство как агент в данной ситуации неоднородно. Оно представлено различными структурами, выполняющими функции государственного регулирования религии. В Бурятии это Комитет по межнациональным связям и межрелигиозным отношениям Администрации Главы Республики Бурятия и Правительства Республики Бурятия, Комитет по межрегиональным связям, национальным вопросам, молодежной политике общественным и религиозным объединениям Народного Хурала Республики Бурятия, Глава Республики Бурятия и некоторые другие органы власти, косвенно связанные с осуществлением религиозной политики. Вышестоящие органы власти требуют от нижестоящих контроля над религиозной ситуацией в республике, усилий по стабилизации межрелигиозных отношений. Ответственные органы власти вынуждены разрабатывать нормы и процедуры, упрощающие их работу или относящиеся к проблемам, не предусмотренным в формальных правилах [14, с. 200].

Традиционные религиозные организации — это те религиозные структуры, которые включены в систе-

му неформальных норм. Религиозные организации, определяемые как нетрадиционные, из этой систему исключены, поэтому их отношения с органами власти тяготеют к формальным институтам, т.е. нетрадиционные религиозные объединения соблюдают законодательство и не более. Однако мы не можем исключить их из системы неформальных институтов государственного регулирования религии по той причине, что в случае их столкновения с традиционными религиозными организациями, чаще всего начинают действовать неформальные правила. Традиционные религиозные организации рассчитывают на поддержку государства в рамках своего неформального контракта. Например, протестантская организация в Кижингинском районе официально оформила права на землю, являющуюся предполагаемым местом захоронения ученика английской духовной миссии в Забайкалье. Однако в 2012 г. здесь началось строительство буддийского культового сооружения, протестантские постройки были разрушены. После чего Глава Комитета по межнациональным связям и межрелигиозным отношениям Администрации Главы Республики Бурятия и Правительства Республики Бурятия прокомментировал ситуацию: «Буддисты точно так же могут сказать, что на этом месте раньше был дацан. Я считаю, что надо уметь между собой договариваться» [15]. Значение официальной регистрации прав на землю было нивелировано.

Религиозным организациям, относимым к традиционным, существование неформальных институтов позволяет добиваться скрытых целей, которые они не могут решить в рамках формальных правил. В первую очередь, это поддержка государства в содержании и восстановлении большого объема недвижимости, полученного традиционными религиозными организациями в 1990-2000 гг. Важную роль играют и административная поддержка государства, накопление социального капитала, который может быть использован для лоббирования интересов религиозной организации, публичность, как побочный эффект взаимодействия с государством.

Решение органами государственной власти и множеством традиционных религиозных организаций обширного спектра задач в рамках созданных неформальных институтов религиозной политики объясняет их стабильность. Эта система норм и правил адаптируется к изменениям внешней среды и время от времени набирает силу, конкурируя с официальными правилами.

Рассмотрев процесс формирования институтов государственного регулирования религии в Бурятии в постсоветский период, а также проанализировали их современное состояние, отметим, что институты религиозной политики в республике представляют собой систему неформальных правил, регулирующих взаимодействие государства и лояльных ему религиозных организаций. Их положение обосновывается концепцией традиционности. Нетрадиционные религиозные объединения, исключенные из данной системы, взаимодействуют с государством на основе официальных правил, закрепленных законодательно.

Взаимодействие с традиционными религиозными организациями дает органам государственной власти возможность реализовывать религиозную политику, регулировать религиозную сферу в республике, снижать издержки. Государство в ходе осуществления религиозной политики стремится субсидировать лишь небольшое количество религиозных организаций. Это необходимо для контролирования расходования государственных средств, что проще всего осуществить при работе с управляемой организацией, имеющий продолжительный опыт взаимодействия с органами государственной власти. Традиционные религиозные организации, в свою очередь, получают поддержку и покровительство со стороны государства, и используют данный контракт для решения собственных задач. Формирующиеся неформальные институты государственного регулирования религии, упорядочивающие религиозные организации по степени лояльности и вписанности в систему устанавливаемых им норм, конкурируют с формальными правилами (выражающиеся в законодательных актах) иногда частично закрепляются на официальном уровне.

Литература:

1. Абаева Л. Байкальский регион: становление единой мировой культуры [электронный ресурс]. URL: http://www.baikal-center.ru/books/element.php?ID=2445 (дата обращения 25.08.2013).
2. Авилова О.Е. Церковно-государственные отношения в свете «Основ социальной концепции Русской православной церкви» // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2012. №4. С. 96-99.
3. Амоголонова Д.Д. Возвращение хамбо-ламы Итигэлова и новая концепция возрождения Бурятии // Вестник Бурятского государственного университета. 2012. № 7. С. 65-70.
4. Белькова А.А. Процессы десекуляризации в постсоветской Бурятии // Вестник Бурятского государственного университета. 2012. № 7. С. 177-179.
5. Дашижапова С. Вячеслав Наговицын: «Бурятия — толерантная республика» [электронный ресурс]. URL: http://zabmedia.ru/?page=articles&text=2915 (дата обращения 25.08.2013).
6. Из истории религиозных конфессий Бурятии. XX век: сб. документов/Сост. С. Г. Аюшева и др. Улан-Удэ: Комитет по делам архивов РБ, 2001. 260 с.
7. Манзанова Г.В. Традиции и инновации: причины возрождения буддизма в Бурятии. Свобода сове-

сти в России: исторический и современный аспекты. Вып. 7. СПб.: Российское объединение исследователей религии, 2009. С. 251-260.
8. Митыпова Г.С. Православие в истории и культуре Бурятии. Улан-Удэ: Республиканская типография, 2005. 232 с.
9. Никитина Т. Основа Веры [электронный ресурс]. URL: http://gazetarb.ru/news/section-interview/detail-45411/ (дата обращения 25.08.2013).
10. О свободе совести и о религиозных объединениях: Федеральный закон от 26.09.1997 №125-ФЗ (в ред. от 26.09.1997) // Собрание законодательства РФ. 29.09.1997. № 39. Ст. 4465.
11. О религиозной деятельности на территории Республики Бурятия: Закон Республики Бурятия от 23.12.1997 №610-I (в ред. от 23.12.1997) // Ведомости Народного Хурала Республики Бурятия. 1998. №21(31).
12. Радаев В.В. Новый институциональный подход: построение исследовательской схемы // Журнал социологии и социальной антропологии. 2001. Том IV. №3. С. 109-130.
13. Флигстин Н. Поля, власть и социальные навыки: критический анализ новых институциональных течений // Экономическая социология. 2001. Т. 2. №4. С. 28-55.
14. Хелмке Г., Левитски С. Неформальные институты и сравнительная политика: основные направления исследований // Прогнозис. 2007. №2(10). С. 188-211.
15. Ян А. Скандальное интервью главного протестанта Бурятии едва не вызвало конфликт [электронный ресурс]. URL: http://www.infpol.ru/news/673/136497.php (дата обращения 25.08.2013).

References:

1. Abaeva L. Baikal region: the emergence of a single world culture [e-resource]. URL: http://www.baikal-center.ru/books/element.php?ID=2445 (date accessed 25.08.2013).
2. Avilova O.E. Church and state relations in the light of «The basis of the social concept of the Russian orthodox church». // Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law. 2012. № 4. Pp. 96-99.
3. Amogolonova D.D. (2012). Hambo lama Itigelov's return and a new concept of revival of Buryatia. Bulletin of the Buryat State University, №7. Pp. 67-70.
4. Belkova A.A. (2012) The processes of desecularization in post-Soviet Buryatia. Bulletin of the Buryat State University, №7. Pp. 177-179.
5. Dashizhapova S. Vyacheslav Nagovitcin: «Buryatia — tolerant republic» [e-resource]. URL: http://zabmedia.ru/?page=articles&text=2915 (date accessed 25.08.2013).
6. From the history of religions Buryatia. XX Century: collection of documents / comp. S.G Ayusheva and other. Ulan-Ude: Committee of Archives of Buryatia, 2001. 260 p.
7. Manzanova G.V. Tradition and innovation: the causes of the revival of Buddhism in Buryatia. Liberty of conscience aspects. Vol. 7. St. Petersburg: Russian Association of the Study of Religion, 2009. Pp. 251-260.
8. Mitypova G.S. Orthodoxy in the history and culture of Buryatia. Ulan-Ude: Republican Printing House, 2005. 232 p.
9. Nikitina T. Basis of Faith [electronic resource]. URL: http://gazetarb.ru/news/section-interview/detail-45411/ (date accessed 25.08.2013).
10. About Freedom of Conscience and Religious Associations: Federal Law of 26.09.1997 № 125-FL (as amended. from 26.09.1997) // Collected Legislation of the Russian Federation. 29.09.1997. №39. Art. 4465.
11. About religious activities in the territory of the Republic of Buryatia: The Law of the Republic of Buryatia of 23.12.1997 № 610-I (as amended. from 23.12.1997) // Bulletin of the Khural of the Republic of Buryatia №21 (31), 1998.
12. Radaev V. Perspective of the New Institutionalism: Constructing an Analytical Scheme // Journal of Sociology and Social Anthropology. 2001. Vol. IV, №3. Pp. 109-130.
13. Fligstein N. Fields, power, and social skills: a critical analysis of new institutional trends // Economic Sociology. 2001. Vol 2, №4. Pp. 28-55.
14. Helmke G., Levitsky S. Informal Institutions and Comparative Politics: a Research Agenda // Prognozis. 2007. №2(10). Pp. 188-211.
15. Ian A. Scandalous interview of Protestant Buryatia nearly caused the conflict [e-resource]. URL: http://www.infpol.ru/news/673/136497.php (date accessed 25.08.2013).